

Если бы каждому политику да по атомной серье в ухо...

4 □ Собеседник 12'93

Апофегей? ПОЛНЫЙ АПОФЕГЕЙ!

С писателем Юрием ПОЛЯКОВЫМ беседует журналист Ольга БЕЛАН

Так уж повелось, что имя моего друга писателя Юрия Полякова вечно связано со скандалами. Это удивительно тем более, что Юра человек очень мирный, предпочитающий отшельничество и одиночество, редко вылезающий на телевидение, радио или сцену — как театральную, так и политическую. Первый громкий скандал был связан с его первым произведением в прозе — повестью «ЧП районного масштаба». В годы самого крутого застоя и самой тяжелой политической цензуры он написал очерк из нравов комсомольской элиты. Повесть не печатали, а молва о ней уже тихо катилась по стране, так что имя Полякова стало известно раньше, чем его проза. Парадокс, конечно, но факт. Невероятными усилиями главного редактора «Юности» Андрея Дементьева «ЧП» все же пробилось на волю, повергнув в шоковое состояние комсостав 80-х годов. Началась перестройка, а у Полякова уже была заготовлена очередная пуля — повесть «100 дней до приказа», выворачивающая изнанку той армии, которая предпочитала показываться только отутюженным мундиром. Возни с этой повестью было еще больше, чем с «ЧП», потому что, несмотря на перестройку, армия оставалась силой более крепкой, чем комсомол в застой. Теперь имя Полякова опять замелькало, теперь уж со скандалом, разразившимся в самом журнале «Юность».

— Юра, ну почему ты не можешь жить спокойно? Такой с виду тихий человек, а как скандал, так Поляков! А если серьезно, попробуй проанализировать, что же все-таки произошло с любимым тобой и целым нашим поколением журналом «Юность».

— Произошел конфликт, какие сейчас часто случаются в творческих коллективах и в результате которого часть сотрудников ушла из журнала. Но конфликты продолжались, и, мне кажется, сыграл свою подлую роль вкус приватизации, когда сотрудники почувствовали себя полными хозяевами журнала. Андрей Дементьев давно подумывал оставить пост главного редактора и неоднократно говорил, что, по традиции, хотел бы передать журнал в бо-

лее молодые руки. Он предполагал, что коллектив выдвинет свою кандидатуру, а сам в качестве преемника называл меня. — Ну это, допустим, вполне логично. Все твои повести сначала печатались в «Юности», с журналом связана вся твоя жизнь, поскольку ты был членом редколлегии журнала. Но выборы редактора так и не состоялись?

— В том-то и дело! Дементьев, еще не подавая заявления об отставке, ушел в отпуск, планируя после его окончания на общем собрании выбрать главного редактора. И вдруг в газетах появляется сообщение, что коллектив избрал им бывшего первого зама Виктора Липатова. Это при живом-то главном редакторе! Не поставили даже в известность никого из членов писательской редколлегии. А ведь в ней есть такие люди, которые стояли у истоков журнала и были членами редколлегии «Юности» со дня ее основания: например, Виктор Розов. Мы написали письмо, а под ним, между прочим, подписались Аксенов, Рождественский, Вознесенский, Борис Васильев, Розов, Славкин, Искандер, Арканов и др. — где просили все же устроить собрание и провести выборы редактора. А в ответ все мы получили уведомление, что нас благодарят и в наших услугах не нуждаются.

— Люди борются за свой кусок хлеба любой ценой — увы, на сегодняшний день это весьма типичная картина. Конечно, они испугались: вот придет Поляков и сменит всю команду. С житейской точки зрения их можно понять. Но что же будет с «Юностью»?

— Журнал уже полгода не выходит. Борьба ведь отнимает очень много времени. И уж, конечно, той «Юности», которую все читали много лет, она, наверное, уже не будет. Журнал был силен именно своими авторами, писателями и поэтами, на которых, собственно, и подписывались читатели и от которых так легко отмахнулись. Во всяком случае, я свою новую повесть туда уже не отдам, хотя она и проанонсирована. Для меня «Юность», увы, закончилась.

— В тебе говорит обида... — Да, обида. Но не потому, что я не стал главным редактором. Я был редактором в 26 лет и имел все перспективы для роста в этом плане, но ушел на вольные хлеба, о чем нисколько не жалею. Обидно за журнал, властитель дум не одного поколения. Обидно за Дементьева, который отдал журна-

лу двадцать лет жизни и невероятные душевные силы, а первой же акцией нового главного редактора стало то, что он снял из первого же подписанного им номера статью Дементьева, где он прошался с читателями...

Есть еще один для меня убийственный момент во всем произошедшем. Я никогда об этом не говорил, но теперь скажу: именно Липатов был эти годы лютым противником моих публикаций в «Юности». Все началось еще с тех времен, когда он работал обозревателем в «Комсомольской правде». Тогда, в начале 1985 года, разгорелись споры вокруг «ЧП районного масштаба», повесть «не пускали», было трудно, и «Юность» хотела заручиться поддержкой «Комсомолки» после того, как отрывок из повести уже напечатал «Московский комсомолец» и получил за это. «Комсомолка» обещала поддержку, а вместо этого появилась разгромная статья Липатова «Человек со стороны».

— Жаль, очень жаль «Юность». Жаль, что у нас теперь нет такого издания, которое было бы лагем умами, как «Юность», как «Литературка» 70-х...

— А такое издание сейчас и невозможно. В обществе произошла невероятная дифференциация, и люди расползлись по своим норам. При всей трафаретности фразы о небывалом единении советского общества в ней был глубокий смысл. То ли от общей беды, то ли от жесткого идеологического контроля в обществе все же было некое единство взглядов и были издания, которые эти взгляды притягивали. Теперь все распалось, расслоилось, раздробилось, и взгляды тоже.

— Это плохо?

— Это данность. Идея, которая на сегодняшний день может сплотить общество, только выковырывается — это, безусловно, идея государственно-патриотическая, но не в ее экстремальных формах, конечно. Жить в стране и не быть ее патриотом — нелепо. Другой вопрос, сумеет ли она сформироваться, не будет ли изуродована.

— Что будет — неизвестно. Но сейчас я знаю одно: этот переходный период негативно сказывается на интеллектуальном потенциале нации, потому что с экранов, из газет, из книг нам суют жвачку, но не

мысль. Посмотри на книжные лавки, на репертуар кино и видеосалонов, поддержи в руках газеты и журналы — тебе не страшно?

— То, что происходит, это, конечно, трагедия. Помнишь по истории, как после революции литература переживала «кафеинный» период, когда не было бумаги и разрушены издательства, писатели и поэты читали свои произведения в кафе. Нечто подобное происходит и сейчас, когда при огромном количестве выпускаемой литературы собственно русские писатели оказались эмигрантами в своем Отечестве.

— Поэт и власть — это проблема не одного века и не одного общества, какой бы совершенной формации оно ни было. Но что же случилось у нас?

— Национальная литература лишена государственной поддержки. Писатели мечтают печататься за границей, чтобы прожить. Вот что произошло, на мой взгляд. Литература вообще, а русская в особенности, часто несла дестабилизирующий фактор в общество, не всегда разумно пользуясь своим положением властительницы общественного сознания. Новые власти великолепно воспользовались этим. Они решили так: литература свою дестабилизирующую функцию выполнила, помогла нам пробиться к власти — и хватит. Это чистейшее большевистское качество, так уже было: большевики блестяще использовали тягу русской литературы к свободе и общечеловеческим ценностям, а после революции засунули ее строить каналы. Сейчас происходит повторение того же, и это огромная ошибка нынешних властей, потому что литература все равно не умрет, но станет оппозицией к режиму.

— Мне кажется, что наши новые политики вообще плохо понимают, что происходит и что они сами творят. Но, с другой стороны, мы же сами их выбирали...

— Власть плюнула на писателей, как, в общем-то, плюнула на всех остальных. В нашем обществе произошло чудовищное коловращение. Долгие годы коммунисты отучали народ от самостоятельности, опекали его в плохом и хорошем смысле. Причем делали это методично и продуманно, истребляя самых лучших и смелых. В результате вырос народ с «детским» восприятием жизни. И этот инфантильный народ, с которым никогда не советовались и все за него решали, взяли и бросили в океан рыночной экономики — плыви кто сможет. А кроме того, наш «детский» народ выбрал в руководители черт-те кого, мы же никогда этого не умели делать! Но новая власть ведь не с неба свалилась, она жила в нашей жизни вместе с нами и благополучно переняла у коммунистического руководства абсолютно все приемы, только в еще более уродливой, извращенной форме. Нас уже пытались загнать железной рукой к социалистическому счастью. А сейчас точно такой же железной рукой нас загоняют в капитализм. Я называю идеологию новой власти неолешизмом.

— Ты против реформ, которые они пытаются осуществить?

— Никто против реформ не возражает, но ведь надо понимать, какой ценой они осуществляются. Если народ на просторстве осуществления этих реформ исчезнет, то, извини, на хрена такие реформы? Любое правительство, рдеющее об обществе, видя это тотальное обнищание, тут же должно забыть во все колокола и искать путь выхода из этой ситуации. А у нас вылезает очередная голова и удивляется: «Вы недовольны? Я не понимаю». Конечно, он не понимает, потому что вместе с психологией большевизма он унаследовал и все привилегии коммунистической номенклатуры, прилично их приумножив.

— Меня эта безразличность больше всего и поражает. Политика, конечно, грязная вещь, но не до такого же омерзительного цинизма! Они ведь пришли к власти на волне социальной справедливости, а сами эту идею втоптали в грязь.

— Ты меня знаешь давно: я всегда выступал с критикой и комсомола, и партии, и армии. Тогда это были мощные организации. Но я прекратил всякие разговоры на эту тему, когда они оказались повержены. Во-первых, это не по-русски — бить лежачего, а во-вторых, все, что пользовалось этой системой, не имеют морального права обливать грязью ту идею, которой служили. Мы же на каждом шагу видим и слышим потоки грязи в адрес нашего же прошлого. Завтра эти перевертыши сдадут и нынешнюю власть.

— Но у нас же всегда так было: никто ни за что не отвечает. И за собственные слова в том числе.

— Я человек некроважидный. Но я глубоко убежден, что политики, виновные в обнищании или в любых других бедах нашей страны, должны быть примерно и жестоко наказаны. А то ведь они совершенно открыто делятся с нами своими планами: ну, не получится руководить — уеду в иностранный университет лекции читать. Нет, «ребята», если уж влезли в эту опасную игру — политику, будьте любезны ответить за каждый свой укал.

— Что же делать? Судить их? Тогда кого бы ты посадил на скамью подсудимых первым?

— Конечно, судить. Открыто, по закону, за нанесенный стране ущерб. И первым судить президентов. Развал в стране начался с того, что они перепутали партийно-номенклатурные игры с реальным управлением страной. Это сходило с рук, когда страна держалась на КГБ, политбюро и

армии, но когда мощные стержни были выдернуты и страна повисла как тряпичная кукла, заниматься этим — преступление. И они не должны уйти как ни в чем не бывало. Тогда следующее поколение политиков будет иметь перед глазами поучительный пример.

У Шекли, кажется, есть роман, где герой прилетает на другую планету и ему тут же предлагают стать ее президентом. Он соглашается, а потом узнает, что среди жителей этой планеты не нашлось желающих играть эту роль. Дело в том, что после назначения президентом ему в ухо вешается атомная серга с дистанционным управлением, а кнопка находится в столице на открытом месте, и каждый, кто недоволен политикой президента, может нажать эту кнопку. Так вот, политики должны всегда помнить, что в ухо у них — серга, а иначе мы будем иметь то, что имеем. — Но все же должен быть какой-то выход! Ты мог бы спрогнозировать, что будет?

— В любом случае, независимо, удержится нынешняя власть или нет, скачком или постепенно, но национально-государственное мышление выдавит тех, кто пришел к власти из корыстных побуждений. Только жаркий патриот и умный государственный сможет привести общество к стабильности — другого пути нет. Я всегда писал и сейчас пишу о том, что мне не нравится в нашей стране, но я никогда не писал, что мне не нравится сама страна. А сейчас в литературе и особенно в журналистике появилась масса деятелей, которым не нравится именно страна. Да, у нас страшная история. Ужасный XX век обрушил на наши головы неисчислимые страдания, но это наша страна и наша история. Если бы в Америке появились журналисты, которым не нравится Америка, их бы быстро попросили сначала думать, а потом писать, что, кстати, и произошло после вьетнамской войны с группой резко настроенных репортеров.

В сущности, в журналистике происходит то же, что и во всей стране. Многие талантливые журналисты заговорили наконец во весь голос, но рядом выросла новая генерация газетных плейбоев, которым развязность и необязательность заменили умение думать и писать. На меня чудовищное впечатление произвела передача, куда пригласили членов ГКЧП и, надо понимать, цвет нынешней журналистики. Так никто же никого не слушал, все старались погромче выкрикнуть свой вопрос, но не только погромче, но и поразвязней, покруче.

Конечно, сейчас серьезные журналисты оказались в невыигрышной ситуации: им нужно время, чтобы обдумать, а эти уже выкрикнули.

— Давай поговорим о тебе. Когда-то запрет на твои повести помог тебе стать известным писателем. Сейчас запретов нет — и что?

— Я продолжаю писать о том, что мне не нравится. Я вообще уважаю тех, кто остается верен себе, и сам стараюсь быть таким. После нескольких выступлений в эфире и в печати меня отлучили от телевидения.

— Об этом подробнее, пожалуйста. Вряд ли это известные факты из жизни нашего очень демократичного телевидения.

— В прошлом году меня пригласили в «Пресс-клуб», когда там обсуждались межнациональные отношения. Был сюжет об Алкисе. Я сказал, что, хотя он и не герой моего романа, но его слова о том, что будет происходить с русскими в Прибалтике, оказались точным прогнозом. Это вырезали. Потом показали сюжет — разговор Дудаева с Гамсахурдия. Я взял слово и обратил внимание на то, что эти руководители двух крайних националистических республик общаются на русском языке. Все, что я говорил, вырезали, а мне потом звонило пол-Москвы и удивлялось, что это я молчал, может быть, с голосом что случилось? В общем, с телевидением мои отношения закончились.

Очень жестокий моральный кризис я пережил, когда страна начала разваливаться. Я почти физически ощущал этот распад, и все, чем я занимаюсь, казалось мне мелочью по сравнению с этим глобальным разрушением. Потом начались скачки цен, закрылись два фильма по моим сценариям, в двух академических театрах тормознули постановки моих пьес. В общем, год из моей литературной жизни был вычеркнут. Но потихонечку я начал выкарабкиваться. Я подумал о том, что нечестно было бы не зафиксировать происходящий вокруг абсурд. Время пройдет, и только через литературу потомки узнают об этих политиках-монстрах, перевертышах, смешных, нелепых людях, возмнивших себя вождями. Нужен был литературный ход. И я его нашел, копаясь однажды у себя в огороде. Вдруг произойдет военный переворот и к власти придет, например, капитан ядерной подводной лодки. Куда он денет нынешних «злодеев»? Он изолирует их в садовом-огородном хозяйстве. Они будут там жить и вспоминать, как жили. Так появилась повесть «Демгородок», где соединены антиутопия, любовная история, детектив — этаким гибридом жанров.

— Как ты думаешь, какая ее ждет судьба?

— Думаю, что эта повесть не вызовет особой радости ни у правых, ни у левых, но у читателей — надеюсь...

Отрывок из новой повести Юрия Полякова «Демгородок» читайте на стр. 13.

Фото Андрея КУЗНЕЦОВА.